

Ты женщина — а это ветер
вольности...
Рассеянный в печали и любви,
Одной рукой он гладил твои
волосы,
Другой — топил на море корабли.

Выходя на дорогу,
душа оглянулась:
Пень иль волк, или Пушкин
мелькнул?
Ты успел промотать свою
чистую юность,
А на зрелость рукою махнул.

И в дыму от Москвы
по Хвалынское море
Загулял ты, как бледная смерть...
Что ты, что ты узнал о родимом
просторе,
Чтобы так равнодушно смотреть?

За дорожной случайной беседой
Иногда мы любили блеснуть
То любовной, то ратной победой,
От которой сжимается грудь.

Поддержал я высокую марку,
Старой встречи тебе не простил.
И по шумному кругу, как чарку,
Твоё гордое имя пустил.

Ты возникла, подобно виденью,
Победителю верность храня.
— Десять лет я стояла за дверью,
Наконец ты окликнул меня.

Я глядел на тебя не мигая.
— Ты продрогла... —
и выпить велел.

— Я дрожу оттого, что нагая,
Но такую ты видеть хотел.

— Бог с тобой! —
и махнул я рукою
На неполную радость свою. —
Ты просила любви и покоя,
Но тебе я свободу даю.

Ничего не сказала на это
И мгновенно забыла меня.
И ушла по ту сторону света,
Защищаясь рукою от огня.

С той поры за случайной беседой,
Вспоминая свой пройденный
путь,
Ни любовной, ни ратной победой
Я уже не пытаюсь блеснуть.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Шёл отец, шёл отец неведим
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли.

Мама, мама, война не вернёт...
Не гляди на дорогу.
Столб крутящейся пыли идёт
Через поле к порогу.

Словно машет из пыли рука,
Светят очи живые.
Шевелятся открытки
на дне сундука —
Фронтовые.

Всякий раз, когда мать его ждёт, —
Через поле и пашню
Столб клубящейся пыли бредёт,
Одинокий и страшный.

Бредёт и скрипит по дороге
Солдат об одном сапоге.
Скрипят деревянные боги
В его деревянной ноге.

Скрипят деревянные вздохи,
Труху по дороге метут.
Народ разбегается в страхе.
А боги идут и идут.

По старой разбитой дороге
В неведомый тёмный конец
Идут деревянные боги.
Когда же пройдут, наконец?..

Прошли деревянные боги,
Прошли на великий покой.
Остался один на дороге
Солдат с деревянной ногой.

ОТКРОВЕНИЕ ОБЫВАТЕЛЯ

Смотрим прямо, а едем
в объезд.
Рыба-птица садится на крест
И кричит в необъятных
просторах.
Что кричит, мы того не возьмём
Ни душою, ни поздним умом.
Теснотой и обидой живём.
Заливается ночь соловьём,
День проходит в пустых
разговорах.

Заскучаю и муху ловлю,
Жаль, что быстрой езды
не люблю
И нельзя провалиться на месте.
Мне поведал проезжий во мгле:
«Перестройка идёт на земле!»

Мне-то что! Хлеб и соль на столе,
И летает жена на метле.
Я чихал на такое известье!

Жизнь свихнулась, хоть ей
не впервой,
Словно притче, идти по кривой
И о цели гадать по туману.
Там котёл на полнеба рванёт,
Там река не туда повернёт,
Там Иуда народ продаёт.
Всё как будто по плану идёт...
По какому-то адскому плану.

Кем мы втянуты в дьявольский
план?
Кто народ превратил в партизан?
Что ни шаг, отовсюду опасность.
«Гласность!» — даже немые
кричат,
Но о главном и в мыслях молчат,
Только зубы от страха стучат,
Это стук с того света, где ад.
Я чихал на подобную гласность!

Мне-то что! Отбываю свой крест.
Бог не выдаст, свинья не доест.
Не по мне заварилась каша.
Рыба-птица на хрип перешла,
Докричаться до нас не могла.
Скучно, брат мой! Такие дела.
Особливо когда спохмела...
Жаль души, хоть она и не наша.

ОТПОВЕДЬ

Что за племя на свет народилось?
Не прогнать и собакой цепной.
Обделила их Божия милость,
Так желают урвать от земной.

Раз поэт, открывай свою душу.
Те стучатся, а эти стучат
И трясут мою славу, как грушу.
— Кто такие? — Свои, — говорят.

Кроме наглых надежд и тумана,
Ни крестов, ни кустов, ни идей.
Ах вы, голые карлы обмана,
Постыдились хотя бы людей!

Плащ поэта бросаю — ловите!
Он согнёт вас до самой земли.
Волочите его, волочите,
У Олимпа сшибая рубли.

Вон отсель поперечно-продольно,
Проходимцы души и дорог.
Не хочу. Презираю. Довольно
Обивать мой высокий порог.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

О, Родина! Как это странно,
Что в Александровском саду
Его могила безымянна
И — у народа на виду.

Из Александровского сада
Он выползает на твой свет.
Как хвост победного парада,
Влачит он свой кровавый след.

Во глубине тысячелетней
Владимир-Солнышко встаёт,
И знаменосец твой последний
По Красной площади ползёт.

Его глаза полны туману,
А под локтями синий дым.
Заткнул свою сквозную рану
Он бывшим знаменем твоим.

Его слова подобны бреду
И осыпают прах земной:
«За мной враги идут по следу,
Они убьют тебя со мной.

О, Родина! С какой тоскою
Кричит поруганная честь!
Добей меня своей рукою.
Я криком выдаю: ты здесь.

Немилосердное решение
Прими за совесть и за страх.
У Божьей Матери прощенье
Я отмолю на небесах...»

Судьба на подвиг не готова.
Слова уходят в пустоту.
И возвращается он снова
Под безымянную плиту.

РУССКИЙ МАЯТНИК

Качнулся влево русский маятник,
И нас налево занесло.
Налево чёт, как понимаете,
Увеличительное зло.

Во всю ивановскую маятник
Ударил чётга между глаз.
Идут часы, как понимаете,
И нас качает всякий раз.

На этом сказка не кончается,
Она уходит вглубь и вширь,
Где русский маятник качается,
Как на распутье богатырь.

Качнётся вправо русский маятник.
Направо Бог. Он нас простит.
Часы идут, как понимаете,
Покамест богатырь стоит.

ЗАВЕЩАНИЕ

1.

Мне помнится, в послевоенный
год

Я нищего увидел у ворот —
В пустую шапку падал только
снег,

А он его вытряхивал обратно
И говорил при этом непонятно.
Вот так и я, как этот человек:
Что мне давалось, тем и был
богат.

Не завещаю — отдаю назад.

2.

Объятья возвращаю океанам,
Любовь — морской волне
или туманам,

Надежды — горизонту и слепцам,
Свою свободу — четырём стенам,

А ложь свою я возвращаю миру.
В тени от облака мне выройте
могилу.

Кровь возвращаю женщинам
и нивам,

Рассеянную грусть — плакучим
ивам,

Терпение — неравному в борьбе,
Свою жену я отдаю судьбе,
А свои планы возвращаю миру.
В тени от облака мне выройте
могилу.

Лень отдаю искусству и равнине,
Пыль от подошв — живущим
на чужбине,

Дырявые карманы — звёздной
тьме,

А совесть — полотенцу и тюрьме.
Да возьмёт сказанное силу
В тени от облака...